УДК 32.659.4 DOI: 10.24151/2409-1073-2021-1-72-81

Демократические и недемократические политические режимы в период борьбы с пандемией: эффект Матфея

Т.В. Растимешина

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

rast-v2012@yandex.ru

Рассматриваются действия государств в условиях кризиса и чрезвычайной ситуации и проводится сравнительный анализ основных направлений чрезвычайных мер, предпринимаемых правительствами демократических государств и государств гибридного режима. Автор отмечает эффект Матфея: действия институтов политической власти демократических и недемократических стран в условиях режима повышенной готовности, при поверхностном взгляде кажущиеся схожими, имеют разный эффект. В демократических странах ограничение части свобод граждан укладывается в общую тенденцию гуманизации политики. В то же время автократии используют кризис для перераспределения властных ресурсов в направлении исполнительной ветви власти и для нормализации подавления гражданской активности.

Ключевые слова: кризис, чрезвычайная ситуация, демократия, автократия, система сдержек и противовесов, гражданское общество.

Democracies and autocracies amid the pandemic: the Matthew effect

T.V. Rastimehina

National Research University «MIET», Moscow, Russia

rast-v2012@yandex.ru

The author examines the actions of states in crisis and emergency situations and conducts a comparative analysis of the emergency measures taken by the governments of democratic states and hybrid regime states. The author notes the Matthew effect: the actions of the institutions of political power of democratic and non-democratic countries in the conditions of the regime of increased readiness at a superficial examination seem similar, but have a different effect. In democracies, the restriction of some of the freedoms of citizens fits into the general trend toward humanization of politics. At the same time, autocracies presumably use the crisis to redistribute power resources toward the executive branch and to normalize the suppression of civic engagement.

Keywords: crisis, emergency, democracy, autocracy, checks and balances, civil society.

Минувший год был исключительно сложным во всех отношениях. Пандемия Covid-19 оказала негативное, нередко разрушительное воздействие на многие сферы жизнедеятельности людей во всем мире. Представленный в статье компаративный анализ охватывает политику государств в период борьбы с пандемией[1] и носит обзорный, но не прогностический характер: ее цель заключается в анализе тех тенденций, которые можно обозначить в общих чертах как реакцию нормативной и институциональной составляющих политических систем на пандемию. Текущую ситуацию автор отождествляет как кризисную и чрезвычайную в одно и то же время. Чрезвычайность её обусловлена тем, что ни одна политическая система в мире не имеет готовых и протестированных механизмов реакции на нее. Политические решения, принимавшиеся в этот период, рефлексировались и корректировались фактически в режиме реального времени; из политического управления в этой чрезвычайной ситуации практически была исключена компонента стратегического планирования и прогнозирования. Большинство решений носили тактический, ориентированный на краткосрочную перспективу характер. Дополнительные ноты в чрезвычайную тональность ситуации, помимо самой глобальной пандемии и сопутствующих ей массовых жертв, вносил и тот особый драматизм, который характеризовал риторику, по удивительному совпадению применяемую различными лидерами государств и наций при обращении к гражданам и подданным. Так, лейтмотивами речей Королевы Великобритании, лидера Китая, президентов Франции и России, других лидеров стала идея «Мы находимся в состоянии войны». Политики указывали на то, что их нации должны сплотиться для противостояния угрозе, звучали такие слова, как «враг», «дать отпор», «мобилизация» и др. «Все проходит, и это пройдет. Наша страна не раз проходила через серьезные испытания: и печенеги ее терзали, и половцы, — со всем справилась Россия. Победим и эту заразу коронавирусную. Вместе мы все преодолеем», — в частности, осведомил Президент России в своем апрельском обращении к гражданам[2].

Вместе с тем, если абстрагироваться от эмоционального напряжения и общего драматизма происходящего во всем мире и в нашей стране, необходимо рефлексировать тот факт, что решения, принимавшиеся в мобилизационном порядке и чрезвычайных условиях, встраивались в парадигму глобальных изменений картины мироздания. Даже если подобные трансформации были неожиданны, а политические решения спонтанны, они, вне зависимости он наличия соответствующего понимания у самих политиков или у граждан, становились отрезком непрерывной линии социальных изменений. Трудно не согласиться с Ювалем Ной Харари в его оценке недопонимания правительствами долгосрочности эффектов от принимаемых кризисных решений: «Человечество сейчас сталкивается с глобальным кризисом. Пожалуй, самый большой кризис нашего поколения. Решения, которые люди и правительства примут в ближайшие несколько недель, вероятно, будут формировать мир на долгие годы. Они будут влиять не только на наши системы здравоохранения, но и на нашу экономику, политику и культуру. Мы должны действовать быстро и решительно. Мы также должны учитывать долгосрочные последствия наших действий. Выбирая между альтернативами, мы должны задаться вопросом не только о том, как преодолеть непосредственную угрозу, но также и о том, в каком мире мы будем жить после шторма.

[1] В данной статье автор рассматривает период с зимы до осени 2020 года пандемии короновируса Covid-19.

[2] Обращение В. В. Путина к гражданам РФ. 8 апреля. [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/society/08/04/2020/5e8dc9619a79471de7cdf9e1?from=newsfeed (дата обращения: 12.01.2021).

Да, шторм пройдет, человечество выживет, большинство из нас все еще будут живы, но мы будем жить в другом мире. Многие краткосрочные чрезвычайные меры станут неотъемлемой частью жизни. Это природа чрезвычайных ситуаций. Они ускоряют исторические процессы. Решения, которые в обычное время могут занять годы обсуждения, принимаются за считанные часы. Незрелые и даже опасные технологии вводятся в эксплуатацию, потому что риск ничего не делать больше. Целые страны служат морскими свинками в крупных социальных экспериментах!» [1].

В то же время, этот отрезок, оказываясь частью изменений, часто не соответствовал им по вектору. В условиях необходимости преодоления и ликвидации последствий пандемии, учеными были выделены несколько новых явлений и тенденций, характерных для всех стран. Они образуют если не контртенденции, то отклонения фрактального характера от основных генеральных линий развития современного социума, от так называемых «big trends» — больших тенденций (к их числу принято относить индустриализацию, повышение уровня и продолжительности жизни населения планеты, урбанизацию, демократизацию, глобальное снижение уровня насилия и т.п.)[3] [2; 3; 4; 5; 6; 7]. В частности, на фоне глобального, длительного и устойчивого, статистически фиксируемого уже несколько десятков лет снижения уровня насилия, в период пандемии — в течение нескольких месяцев — наблюдался рост домашнего агрессивного поведения. На фоне экономической глобализации, продолжавшемся объединении локальных рынков в глобальный конгломерат, необходимо отметить краткосрочную самоизоляцию стран и регионов друг от друга. Несмотря на то, что глобальной тенденцией в постиндустриальном обществе является длительный и устойчивый рост толерантности и солидарности, в наименее «зараженных» странах имело место краткосрочное, но отмечаемое социологами, усиление настроений ксенофобии по отношению к гражданам Китая, Италии и США, наиболее пострадавших от пандемии.

Относительно политических процессов, наиболее обсуждаемым представителями общественных наук явлением стал следующий: на фоне глобальной демократизации, усиления горизонтальных социальных связей и становления ее новых партиципаторных форм, постепенно дополняющими и даже замещающими в постиндустриальных, наиболее развитых странах мира, классическую элитистскую модель этого режима, наблюдалось усиление авторитарных тенденций в государственном управлении. Точнее, часть решений и мер, принимаемых правительствами стран как с демократическими, так и гибридными режимами, при поверхностном анализе могут быть охарактеризованы как авторитарные.

Тенденции политического управления, которые можно назвать «отклонениями» от генерального курса демократизации в демократических и усилением авторитарных идей странах, режим которых принято называть «гибридным», объединяет следующая особенность. Одним из основных «хэш-тэгов» борьбы политических институтов и органов административного управления с распространением нового вируса с первых недель, даже дней глобальной пандемии, стало понятие «ограничение». Государства вводили различные меры, которые можно обозначить именно как ограничительные: на передвижения, в том числе, трансграничные, на определённые виды деятельности, на близкие социальные контакты, на массовые мероприятия, в том числе, политического характера. Эти меры можно объединить в четыре категории:

[3] Pinker Steven. The Better Angels of Our Nature [Electronic resources] / New York Times URL: https://www.nytimes.com/2011/10/06/books/review/the-better-angels-of-our-nature.html (дата обращения: 12.01.2021).

1) существенное ограничение или приостановление прав и свобод;

2) усиление надзора над действиями и поведением граждан;

3) контроль над передачей и распространением информации, а также над ее содержанием;

4) изменение законодательства, в том числе законов о выборах, сроков и процедур проведения выборов, референдумов и народного голосования (в России).

Существенные ограничения или приостановления прав имели место во многих, практически во всех странах, даже в тех, которые отличаются высокими индексами демократии. Так, Конституционное собрание Франции в апреле рассматривало следующую проблему: могут ли граждане реализовать свое конституционное право на свободу собраний во время эпидемии коронавируса; по итогам рассмотрения, было принято решение, признавшее право на жизнь и здоровье граждан приоритетом по отношению к праву на свободу собраний, тем самым нормализовавшее действия политических властей по ограничению прав граждан на собрания и маркировавшее их как соответствующие основному закону Франции. В России ограничения на свободу собраний (они вводились региональными органами власти) и запрет массовых мероприятий и собраний, — были первыми ограничениями прав граждан, введённых в связи с угрозой пандемии[4]. Практически во всех странах, вслед за правом на свободу собраний, ограничение накладывалось на предпринимательство и торговлю, ведение экономической деятельности, право на работу и др.

На линии сравнения «вход в пандемию», меры, предпринимаемые в отношении попыток граждан осуществить свое право на собрания, в разных странах выглядели приблизительно идентично: исполнительные органы власти, по сути, присвоив себе чрезвычайные полномочия (имея или не имея на это правовые основания) пресекали попытки со степенью жесткости, прямо не коррелирующей с политическим режимом страны. Однако, несмотря на относительно гомогенный фон, действия российских органов защиты правопорядка выглядят как более жёсткие, политизированные и менее соответствующие задаче обеспечения безопасности граждан. Так, во Владикавказе в начале весны 2020 года полицией и Росгвардией были пресечены попытки организации массовых сходов граждан, заведены административные и уголовные дела на предполагаемых организаторов. В других странах в начале пандемии, наблюдалась тенденция к «расхождению» их политических стратегий по мере нормализации эпидемической обстановки. Так, когда в большинстве европейских стран ограничительные меры стали поэтапно ослабляться, в России эти ограничения не только сохранялись, но и представлялись ещё более волюнтаристскими. В частности, весной и осенью в Москве полицией задерживались участники одиночных пикетов, несмотря на соблюдение ими всех требований санитарно-эпидемиологических требований. Постепенно санитарно-эпидемиологические нормы законодательства (ст. 236 УК РФ) стали превращаться в инструмент борьбы с политической оппозицией: в частности, после протестов в поддержку оппозиционного политика А. Навального ряд участников и организаторов акций подозреваются в нарушении именно этой статьи УК РФ.

[4] «Запретить до 10 апреля 2020 г. проведение на территории города Москвы спортивных, зрелищных, публичных и иных массовых мероприятий. 3. Временно приостановить: 3.1. Проведение в городе Москве досуговых, развлекательных, зрелищных, культурных, физкультурных, спортивных, выставочных, просветительских, рекламных и иных подобных мероприятий с очным присутствием граждан, а также оказание соответствующих услуг, в том числе в парках культуры и отдыха, торгово-развлекательных центрах, на аттракционах и в иных местах массового посещения граждан». - Указ Мэра Москвы от 5 марта 2020 г. № 12-УМ «О введении режима повышенной готовности».

Другое направление связано с усилением контроля над «физикой» граждан по многим параметрам: от направления ежедневного передвижения до отношения к прививкам и хроническим заболеваниям. Специалисты отмечают: «Чтобы остановить эпидемию, все население должно соблюдать определенные руководящие принципы. Есть два основных способа достижения этого. Один из методов заключается в том, что правительство контролирует людей и наказывает тех, кто нарушает правила. Сегодня, впервые в истории человечества, технологии позволяют постоянно контролировать всех. <...> В своей борьбе с эпидемией коронавируса несколько правительств уже внедрили новые инструменты наблюдения» [1]. Наиболее обсуждаемый во всем мире пример «тотальной слежки» представил Китай: в этой стране были мобилизован беспрецедентный по диапазону возможностей и рыночной стоимости набор технических средств наблюдения за гражданами: распознающие личности камеры; приложения, установление которых на смартфоны вменяется гражданам законодательно (они применяются для передачи сообщений о состоянии здоровья, предупреждения о приближении к инфицированным согражданам и др.). Посредством применения всего пула технологий, власти Китая могли фактически отслеживать как движение, так и физическое состояние всех своих граждан в реальном времени.

В России и некоторых странах второго мира введение слежения через мобильные приложения в настоящее время осложняется и ограничивается технической незрелостью и недостаточностью финансирования такого рода программ. Однако если власти государств имели соответствующий «задел» технической оснащённости (Япония, Китай, Южная Корея, Израиль), то ограничением становилась лишь демократическая система сдержек и противовесов. Следует отметить, что даже она не всегда оказывалась эффективной: в некоторых демократических государствах эта система уступала натиску «чрезвычайщины». В частности, премьер-министр Израиля принял отклоненное парламентским комитетом решение о введении технологий слежения за потенциальными больными, своим указом, легитимность которого опирается исключительно на чрезвычайную ситуацию в стране.

В новой ситуации социологи и политологи заговорили об угрозе наступления биополитики. Автор статьи относит себя к оптимистам и полагает, что в недалёком будущем будут реализованы только те программы, которые созревали задолго до пандемии, для того, чтобы обеспечить безопасность (safety) граждан в обмен на их личную неприкосновенность[5]. В демократических странах будут созданы более надёжные и прозрачные системы охраны здоровья граждан, мониторинга и предупреждения опасности массовых заболеваний и т.д. В этом отношении, забота о безопасности граждан, проявляемая государствами (требующая как огромных дополнительных ресурсозатрат, так и временного ограничения части свобод), не является «отклонением» от демократизации. Обозревая эту проблему максимально широко, можно обнаружить, что эти действия государств являются следствием повышения значимости и цены человеческой жизни и гуманизации политики, наблюдаемых в демократических странах на протяжении десятилетий. Иными словами, «мы видим, как и демократичные страны готовы пожертвовать

[5] «Следует различать понятия safety и security. Safety – это «безопасность для человека», создание условий, в которых каждый человек чувствует себя в безопасности. Security – это безопасность как контроль. Совершенно разные смыслы (вряд ли кто ассоциирует органы безопасности с самым безопасным местом, где тебе ничего не угрожает), однако между этими понятиями, конечно, есть корреляция. Шульман Е. О последствиях пандемии. Электронный ресурс. Режим доступа: https://pikabu.ru/story/svoboda_i_bezopasnostspasat_lyudey_ili_spasat_yekonomiku_7432265

свободами человека ради его же безопасности» [8]. С этой точки зрения, можно прогнозировать, что в странах, где жизнь и здоровье человека приобрело первостепенную значимость до и вне связи с пандемией, в перспективе право на конфиденциальность информации о здоровье одних людей будет естественным и демократически взвешенным образом ограничено правом на жизнь и здоровье других, и эта тенденция целиком и полностью укладывается в тенденцию демократизации и гуманизации политики. Вокруг этой идеи на коротком отрезке пандемии солидаризируются и граждане, и представители политических и экономических элит. На уровне государств социологи наблюдают феномен ралли вокруг флага (rally round the flag effect)[6]. На так называемом низовом уровне мы наблюдаем, что для сохранения жизни и безопасности пожилых сограждан, более молодые, проявляя солидарность, выказывают готовность на претерпение ряда ограничений своей свободы.

Иными словами, автор, будучи оптимистом, склонен предполагать, что демократия как организм здоровый и адаптабельный, сумеет выработать иммунитет от опасности провала в направлении слежки за населением ради самой слежки. Оценивая риски, следует подчеркнуть, что опасность отказа от демократии в пользу биополитики также преувеличена: согласно законам демократии, противовесом повышения прозрачности жизни граждан и разгерметизация части личной информации станет повышение прозрачности деятельности и цены социальной ответственности политических элит.

Однако нельзя недооценивать и риски легитимации и легализации систем слежения государства за гражданами на фоне авторитарного ренессанса в ряде стран. То, что для здорового организма демократии является благом, для автократии может стать основанием для усиления тоталитарных тенденций (здесь, на наш взгляд, себя проявляет эффект Матфея — «ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у не имеющего отнимется и то, что имеет»). Поэтому опасения пессимистов от социальных наук также требуют взвешенной рефлексии. Так, нельзя не согласиться с Ювалем Ной Харари, который предостерегает: «Представьте себе Северную Корею в 2030 году, когда каждый гражданин должен носить биометрический браслет 24 часа в сутки. Если вы слушаете речь Великого Вождя, и браслет улавливает контрольные признаки гнева, вы готовы» [1]. Мы полагаем, такая опасность, действительно, существует.

Опасность усиления авторитарного волюнтаризма существует и для России, если учитывать, что в первые дни и недели после введения в некоторых регионах цифровых пропусков средства массовой информации и форумы артикуляции гражданских интересов обнародовали проблему усиления цифрового надзора и опасности оформления нормативных, организационных и административных границ усиленного авторитарного режима, получившего публицистическое наименование «цифрового лагеря». Россия оказалась едва ли не единственной страной Европы, в которой ограничительные действия и решения политических институтов не вызвали эффекта ралли вокруг флага, не привели к солидаризации граждан с политическими институтами и не стали причиной повышения рейтингов, как персональных, так и рейтингов доверия к институтам. В России, частности городе Москве, наблюдался рост недоверия, подозрительности граждан по отношению к институтам политического менеджмента, причем, согласно социологическим данным, недоверие и раздражение продолжает разрастаться.

[6] О наличии этого эффекта мы можем судить на основе анализа результатов социологических опросов: согласно данным социологов, в Великобритании, Бельгии, Иатлии, Франции, Австрии, Швейцарии, Чехии и практически всех европейских странах резко и значительно выросли рейтинги доверия к институтам, а также индексы одобрения их деятельности.

Характерны пассивно-протестные реакции людей на заявления представителей власти. Заявление о том, что нехватки продуктов не будет, вызывало обратный эффект — массовый ажиотажный спрос на продукты питания; заявление министра о том, что Приложение «Социальный мониторинг» безопасно и «ни в какие заграницы персональные данные передаваться не будут»[7], — также стало причиной фрустрации, роста недоверия и граждане солидаризируются вокруг проблемы как защиты своей свободы и персональных данных от произвольного ограничения и неправового использования.

Отчасти крайне низкая толерантность граждан к применяемым мерам при высокой прозрачности действий властей Москвы в текущей ситуации отодвинула угрозу «цифровой слежки». Дополнительным фактором для её ослабления стала также техническая и административная неподготовленность власти к введению и реализации более жестких мер «режима повышенной готовности». Однако в последние двадцать лет усиление патерналистских, центристских и авторитарных тенденций является устойчивой тенденцией для российской политической системы. Соответственно, можно ожидать, что те решения, которые будут протестированы на фоне «чрезвычайщины», станут ещё одной волной, продолжающей и усиливающей эти тенденции. Тем более, применение кризиса для ускорения размывания институциональных скреп, сдерживающих действие железного закона олигархии, — с точки зрения теоретиков, является характерной чертой и одновременно механизмом адаптации гибридных режимов к меняющимся условиям внешней среды.

Наиболее ярко и наглядно тенденцию к размыванию и «расстраиванию» институциональной составляющей политической системы в условиях чрезвычайной ситуации (чрезвычайной по сути, но не по правовому статусу, что в контексте рассуждений о законотворчестве особенно важно подчеркнуть), — иллюстрирует так называемый «бешеный принтинг», то есть ускоренное рассмотрение и принятие Государственной Думой различного рода законопроектов. С конца марта законодательные новации рассматривались и принимались законодательными органами «под шумок» (то есть в условиях, когда внимание гражданского общества и активистов отвлечено на различные кейсы, связанные с пандемией) и в расчёте на действие эффекта, в соответствии с которым «война всё спишет». Законы, принимаемые Государственной Думой в таком ускоренном порядке, отличались разной степенью полезности — токсичности и проработанности — непроработанности. В тематическом отношении *пакет законов и изменения в законах* можно разделить на следующие категории:

1) имеющие прямое отношение к борьбе с пандемией — наделяющие дополнительными полномочиями (в том числе бюджетными ресурсами и возможностями) исполнительные органы власти[8];

2) кодифицирующие различного рода «усиления», «ужесточения»: замену административных наказаний на уголовные, введение штрафов, в том числе за нарушение санитарно-эпидемиологических правил, за распространение фейковых новостей и т.п.)[9].

---

[7] Эдуард Лысенко, министр Правительства Москвы, руководитель Департамента информационных технологий в эфире радиостанции «Эхо Москвы».

[8] Например, Федеральный закон от 01.04.2020 N 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» расширение полномочий исполнительных органов власти

[9] Федеральный закон от 01.04.2020 N 99-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»; Федеральный закон от 01.04.2020 N 100-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; Федеральный закон от 01.04.2020 N 94-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и др.

Наиболее интересную и гетерогенную картину образуют законы и изменения к законам, которые политолог Е. Шульман обозначила как акты «для тех, кому что-то надо»: об ограничениях или, напротив, расширениях госзакупок, об обороте лекарственных средств, «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении РФ», Федеральный закон от 01.04.2020 №82-ФЗ «О внесении изменений в статьи 2 и 3 Федерального закона «О днях воинской славы и памятных датах России» и статьи 2 и 11 Закона Российской Федерации «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества».

На наш взгляд, за время работы Государственной Думы РФ в условиях режима повышенной готовности, можно обнаружить следующую тенденцию: законы, принимавшиеся до «думских каникул», можно охарактеризовать как рассмотренные и принятые в спешке, в режиме, называемом «бешеным принтингом». Однако после думских каникул, уже в мае, Государственная Дума стала работать более размеренно, но законы, принятые впоследствии, отличаются большей токсичностью и разрушительной силой по отношению к системе сдержек и противовесов в России. Эта тенденция получила свое продолжние и осенью 2020 г., и зимой 2020—2021 гг.

В частности, изменения в законодательство о выборах[10], принятые Государственной думой 23 мая 2020 года и вызвавшие существенный резонанс, представляются разящими существенным ущербом институту выборов в РФ. Предполагаемый вред в содержательном отношении заключается в следующем: ужесточаются правила регистрации кандидатов через сбор подписей избирателей; пассивное избирательное право ограничивается через введение дополнительных запретов и ограничений для выдвижения кандидата в органы власти (связанные с судимостями); кроме того, расширяются возможности для бесконтрольного использования наименее поддающихся гражданскому контролю и уязвимые для фальсификаций форм голосования — «надомного», досрочного, досрочно-выездного и дистанционного (по почте и интернету). На наш взгляд, наиболее разрушительным долгосрочным эффектом правоприменения этих законов станет падение доверия граждан к институту выборов, дискредитация даже тех достижений, которых удалось добиться гражданскому обществу в борьбе за обеспечение прозрачности процедур, а также делегитимация и падение рейтингов избранных органов и должностных лиц. Реакцию гражданского общества на эти последствия в настоящее время предвосхитить фактически невозможно.

Таким образом, наш анализ показал, что есть основания для того, чтобы согласиться с теми аналитиками, кто полагает, что, если для устойчивых демократий кризис и чрезвычайная ситуация является испытанием, проверкой на прочность для системы сдержек и противовесов, то для гибридной автократии российского типа, кризис — повод для перераспределения властных ресурсов в направлении исполнительной ветви власти и нормализации подавления гражданской активности. Действительно, институты исполнительной власти в России неоднократно использовали различного рода кризисы в качестве предлога, чтобы укрепить вертикаль власти и перераспределить

[10] Федеральный закон от 23 мая 2020 г. N 151-ФЗ «О продлении на 2020 год эксперимента по голосованию на цифровых избирательных участках на дополнительных выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва и выборах в органы государственной власти субъектов Российской Федерации»; Федеральный закон от 23 мая 2020 г. N 152-ФЗ «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования в городе федерального значения Москве»; Федеральный закон от 23 мая 2020 г. N 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; Федеральный закон от 23 мая 2020 г. N 154-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

ресурсы и полномочия органов политического управления в направлении усиления исполнительной ветви[11]. Мы не разделяем общей тональности и категоричности порой безапелляционных оценок наших западных коллег. Так, ограничение свободы СМИ слишком категорично называть репрессиями, вместе с тем, действительно, наблюдаемые и проанализированные нами процессы указывают на то, что институционализация авторитарных тенденций в анализируемый нами период имеет место.

Литература

1. Harari Yuval Noah. The world after coronavirus [Electronic resources] // Financial Times. (March 20 2020). URL: https://www.ft.com/content/19d90308-6858-11ea-a3c9-1fe6fedcca75 (дата обращения: 12.01.2021).

2. Industry 4.0. Challenges and Solution for Digital Transformation and Use of Exponential Technologies [Electronic resources] // Deloitte. 2015. URL: http://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ch/Documents/manufacturing/ch-en-manufacturing-industry-4-0-24102014.pdf (дата обращения: 12.01.2021).

3. Global trends to 2030: Can the EU meet the challenges ahead? / European Union, 2015 // European Strategy and Policy Analysis System (ESPAS). 2015. URL: http://www.ieee.es/Galerias/fichero/OtrasPublicaciones/Internacional/2015/ESPAS_Global_Trends_to_2030.pdf (дата обращения: 12.01.2021).

4. Intensified global competition for resources (GMT 7) [Electronic resources] // The European Environment Agency (EEA): agency of the European Union. (Last modified 11 May 2020). URL: http://www.eea.europa.eu/soer-2015/global/competition (дата обращения: 12.01.2021).

5. Gokhberg L. [eds]. Deploying Foresight for Policy and Strategy Makers: Creating Opportunities Through Public Policies and Corporate Strategies in Science, Technology and Innovation: monograph / L. Gokhberg, D. Meissner, A. Sokolov. [eds]. Switzerland: Springer International Publishing, 2016. 275 p.

6. Демократизация: учеб. пособ. / Под ред. К. В. Харпфера, П. Бернхагена, Р. Ф. Инглхарта, К. Вельцеля; пер. с англ. под науч. ред. М. Г. Миронюка. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 708 с. (Переводные учебники ВШЭ); URL: https://id.hse.ru/data/2015/03/17/1093087615/Демократизация_T1.pdf (дата обращения 19.02.2021).

7. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. 463 с.

8. Шульман Е. Что росло — вырастет вдвое быстрее, что медленно загибалось — рухнет [Электронный ресурс] // Умный город: научно-популярный журнал. URL: https://pikabu.ru/story/svoboda_i_bezopasnostspasat_lyudey_ili_spasat_yekonomiku_7432265https://sci-gorod.ru/2020/04/05/ekaterina-shulman-o-pandemii/ (дата обращения 19.02.2021).

Поступила 10.02.2021

Растимешина Татьяна Владимировна — профессор кафедры философии, социологии и политологии, доктор политических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «МИЭТ», rastv2012@yandex.ru

References

1. Harari Yuval Noah. The world after coronavirus [Electronic resources] // Financial Times. (March 20 2020). URL: https:// www.ft.com/content/19d90308-6858-11ea-a3c9-1fe6fedcca75 (data obrashhenija: 12.01.2021).

2. Industry 4.0. Challenges and Solution for Digital Transformation and Use of Exponential Technologies [Electronic resources] // Deloitte. 2015. URL: http://www2.deloitte.com/ content/dam/ Deloitte/ch/Documents/manufacturing/ch-en-manufacturing-industry-4-0-24102014.pdf (data obrashhenija: 12.01.2021).

[11] Abramowitz Michael J., Puddington Arch. Op-Ed: Autocrats love a crisis. They're using the coronavirus pandemic to tighten their grip. [Electronic resources] // Los Angeles Times. (April 13, 2020). URL: https://www.latimes.com/opinion/story/2020-04-13/coronavirus-pandemic-autocrats.(дата обращения: 12.01.2021).

3. Global trends to 2030: Can the EU meet the challenges ahead? / European Union, 2015 // European Strategy and Policy Analysis System (ESPAS). 2015. URL: http://www.ieee.es/Galerias/fichero/OtrasPublicaciones/Internacional/2015/ESPAS_Global_Trends_to_2030.pdf (data obrashhenija: 12.01.2021).

4. Intensified global competition for resources (GMT 7) [Electronic resources] // The European Environment Agency (EEA): agency of the European Union. (Last modified 11 May 2020). URL: http://www.eea.europa.eu/soer-2015/global/competition (data obrashhenija: 12.01.2021).

5. Gokhberg L. [eds]. Deploying Foresight for Policy and Strategy Makers: Creating Opportunities Through Public Policies and Corporate Strategies in Science, Technology and Innovation: monograph / L. Gokhberg, D. Meissner, A. Sokolov. [eds]. Switzerland: Springer International Publishing, 2016. 275 r.

6. Demokratizacija: ucheb. posob. / Pod red. K. V. Harpfera, P. Bernhagena, R. F. Inglharta, K. Vel'celja; per. s angl. pod nauch. red. M. G. Mironjuka. M.: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2015. 708 s. (Perevodnye uchebniki VShJe); URL: https://id.hse.ru/data/2015/03/17/1093087615/Demokratizacija_T1.pdf (data obrashhenija 19.02.2021).

7. Inglhart R., Vel'cel' K. Modernizacija, kul'turnye izmenenija i demokratija: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitija. M.: Novoe izdatel'stvo, 2011. 463 s.

8. Shul'man E. Chto roslo — vyrastet vdvoe bystree, chto medlenno zagibalos' — ruhnet [Jelektronnyj resurs] // Umnyj gorod: nauchno-populjarnyj zhurnal. URL: https://pikabu.ru/story/svoboda_i_bezopasnostspasat_lyudey_ili_spasat_yekonomiku_7432265https://sci-gorod.ru/2020/04/05/ekaterina-shulman-o-pandemii/ (data obrashhenija 19.02.2021).

Submitted 10.02.2021

Rastimeshina Tatiana V., Doctor of Political Sciences, Associate Professor, professor of Philosophy, Sociology and Politology Department, National Research University of Electronic Technology (1, Shokin sq., Zelenograd, Moscow, 124498, Russia), rast-v2012@yandex.ru